

Аутентичная женщина

Владимир Коток

Лаборатория «Омниген-Семь» была тиха, как гробница, если не считать ровного, едва слышного гудения поддерживающих жизнь систем. Доктор Элиан Соль стояла перед прозрачным биокуполом, наблюдая, как в питательном растворе плавно колыхнется крошечное существо — её последний проект. Эмбрион. Ребёнок. Продукт конвергенции. В его ДНК слились маркеры семи доноров — членов её Созвездия. Семь наборов хромосом, искусственно сгармонизированных, чтобы избежать рецессивных ошибок и создать идеального человека для нового века. Ребёнок, у которого будет семь родителей, семь фамилий в сертификате и ни капли того, что древние называли «грехом» или «чудом».

Элиан провела рукой по холодной поверхности купола. Её собственная история рождения была куда проще: непорочное зачатие от клетки её матери-одиночки, выношенное в таком же искусственном лоне. Она никогда не знала отца. Понятие «отец» устарело ещё в её детстве, заменившись на «генетический донор №2» или «со-родитель по юридическому договору».

Её личный ком-браслет вибрировал, проецируя в воздухе семь голографических значков. Это было её Созвездие. Трое изначально идентифицировавших себя как мужчины, трое — как женщины, и один — **гендерно-текущий** (люйдон), чья гендерная идентичность плавно менялась в зависимости от фазы луны. Они подали общую заявку на ребёнка, прошли все психотесты на совместимость и вот теперь их общее дитя медленно росло в лабораторной колбе.

«Элиан? Ты задерживаешься. Мы ждём тебя на вечернем слиянии». Голос Кейро, одного из её мужей, был тёплым, но в нём чувствовалась лёгкая укоризна. Слияние — групповая медитация с нейро-линковкой, обязательная практика для укрепления связей внутри поли-брака.

«Я иду, — механически ответила Элиан. — Просто хочу ещё раз проверить стабильность цепочек».

Она отключила связь и вздохнула. Всё было идеально. Технологически, генетически, юридически — безупречно. Но внутри её, учёного, создававшего жизни, зияла пустота, которую не могло заполнить ни одно Созвездие.

Именно тогда её взгляд упал на архивную базу данных. Старые, почти забытые серверы с информацией до Великого Сдвига. До того, как много-гендерность и поли-семьи стали нормой. Любопытство, запретное для современного человека, заставило её пальцы пробежать по клавиатуре. Она ввела запрос, который мог бы вызвать вопросы у этического комитета: «Естественное репродуктивное поведение. Двуполовая модель. XX и XY».

Экран заполнили древние тексты и изображения. И она увидела их.

Мужчина и женщина. Только двое. Не созвездие, а диада. И ребёнок... ребёнок, рождённый **естественным путём**. Не в лаборатории, а в утробе. Результат слияния не семи искусственно отобранных геномов, а всего двух, соединённых в акте, который старые книги называли то интимным, то греховным, то любовным.

Элиан смотрела на сканы ультразвуковых снимков, на фотографии огромного, раздутого беременностью живота. Это казалось диким, негигиеничным, неэффективным и пугающе...

физическим. Но в её груди, вопреки всем доводам разума, шевельнулось что-то тёплое и острое. Чувство, не имеющее названия в её современном языке.

Она углубилась в изучение, как археолог на раскопках исчезнувшей цивилизации. Она читала про «брак», про «любовь», про «верность» — понятия, которые сейчас считались архаичными ограничителями, мешающими свободному выражению личности. Она узнала про «мать» не как об одном из многих родительских терминов, а как о единственном, уникальном существе, которое носило дитя под сердцем.

Однажды ночью, пробираясь через оцифрованные архивы забытого музея, она нашла её. Фотографию. Женщину с распущенными тёмными волосами, стоявшую в поле. Она была одета в странное, неуклюжее платье, а руки её лежали на округлившемся животе. И на её лице была улыбка — не социализированная, отработанная перед камерой, а настоящая, наполненная тихой, могущественной силой и тайной. Подпись гласила: «Мария. 34-я неделя беременности».

В тот миг что-то в Элиан перещелкнуло. Она осознала себя не частью Созвездия, не доктором Соль, не генным инженером. Она осознала себя женщиной. В том древнем, биологическом, подлинном смысле. Существом, способным рожать.

Это знание стало её личной ересью. На следующем слиянии она смотрела на лица своих семи партнёров, соединённые в блаженной улыбке нейро-гармонии, и чувствовала себя чужой. Их единство было искусственным, созданным технологиями. А то, что чувствовала она, глядя на фотографию Марии, было единением с самой природой, с миллионами лет эволюции, которые её общество так старательно пыталось отменить.

Она начала тайный эксперимент. Используя украденные с работы образцы — свои собственные клетки и клетки Кейро, того, кто был ей ближе других, — она сделала то, за что её могли бы изгнать из научного сообщества. Не многодонорную конвергенцию, а простейшее оплодотворение *in vitro*. Яйцеклетка. Сперматозоид. Зигота.

И она имплантировала её себе.

Мир вокруг неё не изменился. Созвездие по-прежнему собиралось на слияния, обсуждало прогресс их «официального» ребёнка в биокуполе и планировало, кому из семерых будет присвоена роль «основного воспитателя». Но внутри Элиан бушевала вселенная. Она отслеживала изменения в своём теле с жадностью учёного и трепетом той самой подлинной женщины. Её тошнило по утрам. Её обоняние обострилось до болезненности. И это было прекрасно. Это было реально.

Рано или поздно тайное должно было стать явным. Сканер на очередном медосмотре выдал аномалию. Искусственный интеллект, не понимая, что видит, классифицировал это как «новообразование». Но живой врач, взглянув на данные, побледнел.

В кабинете главы этического комитета висела гробовая тишина.

— Вы понимаете, доктор Соль, что вы совершили? — его голос был холоден. — Самоуправство. Нарушение всех протоколов биобезопасности. Вы создали жизнь анахроничным, опасным, непредсказуемым методом! Без одобрения комитета, без согласия всех членов Созвездия! Этот... эмбрион... его геном не стабилизирован, не защищён от мутаций! Это возврат к тёмным векам!

— Он жив, — тихо сказала Элиан, положив руку на свой живот, где уже шевелилась новая жизнь. — И он мой.

Её вызвали на Совет Созвездия. Семь пар глаз смотрели на неё с недоумением, обидой и страхом. Для них её поступок был величайшим предательством. Она вышла из гармонии. Она создала дитя только для двоих, отринув остальных пятерых. Она ввела в их идеальный союз хаос и биологический примитивизм.

— Зачем, Элиан? — спросил Кейро, и в его глазах читалась настоящая боль. — Наш ребёнок будет лучше, здоровее, умнее. Он будет любим всеми нами одинаково. Зачем этот... архаичный риск?

Она посмотрела на него, а потом на всех них — на этих людей, связанных договором, а не кровью.

— Потому что я хочу знать любовь, которая **предшествует разуму**. Любовь, которую нельзя прописать в юридическом соглашении. Любовь, которая возникает не из нейро-линковки, а из плоти и крови. Я хочу быть не «родительской единицей №4», а матерью.

Её изгнали из Созвездия. Юридические документы были разорваны. Она потеряла работу в «Омниген-Семь». Общественность, узнав о скандале, смотрела на неё как на диковинку, на безумицу, на живой музейный экспонат.

Но Элиан сняла маленькую студию на окраине мегаполиса. И там, в полном одиночестве, следуя древним, инстинктивным ритмам своего тела, она ждала.

Когда начались схватки, боль была дикой, животной, всепоглощающей. Никаких обезболивающих, никаких регулируемых капельниц. Только её тело, выполняющее древнюю работу. Она кричала, цеплялась за простыни, и в её сознании всплывал образ той женщины с фотографии — Марии. И она чувствовала связь со всеми женщинами, **когда-либо жившими на Земле**.

А потом был крик. Негромкий, чистый, яростный. Её дочь.

Она прижала к груди это крошечное, сморщенное, мокрое существо. Она смотрела на её личико, искажённое плачем, и чувствовала прилив такой вселенской, такой первобытной силы и любви, перед которой меркли все технологические чудеса её века.

Она была больше не доктор Элиан Соль. Она была Матерью. Подлинной женщиной. И глядя в глаза своему ребёнку, созданному не в лаборатории, а в любви и боли, она знала — она отвоевала у будущего кусочек прошлого, и в этом прошлом было больше человечности, чем во всём её